

А.Л.Семенова, Д.Б.Терешкина

ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ХРИСТИАНСТВА В «ОКУРОВСКИХ» ПОВЕСТЯХ М.ГОРЬКОГО

Целью статьи является анализ особенностей изображения М.Горьким религиозных обычаев народа и его отдельных представителей в цикле «окуровских» повестей. По мнению М.Горького, христианство, сыгравшее важнейшую роль в начале становления русской государственности, постепенно превратилось в обряд, утративший свое сакральное значение, а также в способ патриархальной организации общественной жизни русской провинции, где царили невежество, бытовая тирания, моральная индифферентность каждого из жителей уездного русского захолустья. Однако по мысли Горького, как представляется авторам статьи, глубинное народное христианство, сохранившее идеи милосердия, любви, единения, живого присутствия Бога живёт в отдельных явлениях народной жизни и не может быть истреблено. Таковы народное поэтическое творчество, иконопись, церковное пение, испытания каждого человека в его индивидуальном бытии, приближающего его к основам христианства.

Ключевые слова: М.Горький, «окуровские» повести, народное христианство, богоискательство, богостроительство

Отношение Горького к христианству было сложным и неоднозначным. Он был воспитан в парадигме христианских ценностей, но вырос в тех условиях, где был непреодолимый конфликт между заповеданной «любовью к ближнему» и повседневной жестокостью, ложью и лицемерием. «Свинцовые мерзости жизни» привели Горького к идеям богоборческим. Признавая за христианством важность культурно-историческую, он сформулировал идею богостроительства, когда на место бога ставился человек в своем созидательном воплощении.

Эта двойственность отношения к христианству проявилась и в «окуровских повестях»: «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», написанных на рубеже 1910-х годов. В эти годы Горький стремился понять, каковы реальные перспективы революционных преобразований в российской провинциальной «мещанской» среде. Он детально и беспристрастно описывал обычаи, обряды и нравы уездного городка, который стал для писателя символом современной ему России.

Русская революция 1905 года заставила Горького задуматься над вечным парадоксом во взаимоотношениях интеллигенции и народа, то есть представителей европейской образованности и исконной патриархальной среды.

Окуровщина» явилась точным художественным изображением «традиционных психических навыков», о которых писал Д.Овсяннико-Куликовский [1]. Более того, Горький предпринял ретроспективный анализ «окуровщины» как специфически национального феномена. Если учесть хронологию рассказов Савелия Кожемякина, отца главного героя, беглого крепостного, и Пушкаря, бывшего солдата, а теперь помощника Кожемякина, то корни этого феномена автор видит еще в крепостничестве, а если обратиться к размышлениям дяди Марка, ссыльного революционера, записанным Матвеем Кожемякиным, то — во времена монголо-татарского ига. Иными словами, по мысли Горького, быт окуровских жителей существует в тех формах, которые сложились века назад, и за это время они не претерпели никаких существенных изменений.

«В сознании Горького русский народ предстал в большинстве своем лишенным подлинной веры, но при этом полным суеверий: «Он (русский мужик — А.С.) крепко оградился от беса, источника всех несчастий, полуязыческой, полухристианской религией и жил скрытной жизнью много испытавшего человека, который готов все слушать, но уже никому не верит» [2, с. 25].

Христианство для Горького — неудачно организованный опыт предшествующих поколений, следовательно, ошибочное верование. Однако он был далек от того, чтобы отдавать предпочтение «языческому» взгляду на мир перед «христианским». «Здесь весьма показательно его отношение к фольклору. Известно, что он склонен был подчеркивать свое восхищение фольклорными текстами, в которых, по его мнению, прославлялся человек, его сила и возможности. Древний миф, как писал Горький в статье «Разрушение личности», — это и религия, и поэзия, заключающая в себе всю сумму знаний народа о природе, весь опыт, полученный “в столкновениях с враждебными энергиями вне его”» [2, с. 26].

В повести «Жизнь Матвея Кожемякина» автор обращается к фольклорным текстам: Макарьевна, добрая старушка, маленькому Матвею рассказывает «тихие», «славные жуткие сказки», в которых «так же неожиданно являлось страшное. Но в сказках добрая баба-яга всегда выручала заплутавшегося мальчика» [3, с. 134]. Прибаутки, услышанные от Макарьевны, остались в памяти ребенка, и спустя годы он записывал их по памяти в свои дневники.

Заинтересованное отношение писателя к фольклорной традиции при этом дополнялось важным для него аспектом: автор показывает, что для окуровцев важна не активная, жизнеутверждающая сторона народной традиции, а пассивная, примиряющая с убожеством и тусклостью, скукой повседневного уездного бытия. Сказки и сны для героев повести — способ уйти от реальности в иной яркий и красочный мир, полный виртуальных ужасов и страстей, но всегда добрый и радостный.

Передача традиций в их полноте и осмысленности может быть только при условии наличия единства социальной памяти, но этого нет в Окурове. Описывая свадьбу Савелия Кожемякина, автор подчеркивает, что обряд как коллективное драматическое действие не сохранился в разобщенном, лишенном солидарности, мире Окурова. Обрывки суеверий — все, что осталось от древнего жизненно значимого обряда. Среди женщин — споры и пререкания, а молодая невеста совершенно не ведает, что и как надо правильно сделать.

«Общая жизнь мельчает и замыкается в тесных рамках семейного круга. <...> «Старинное» и «отеческое» может храниться только лишь в памяти коллектива, ощущающего себя единым целым. В индивидуальной памяти оно дробится, а потому обречено на умирание, так как старинный обряд во всей своей полноте может быть воспроизведен лишь коллективными усилиями» [2, с. 33-34].

Языческие представления преобладают в окуровской среде. Однако язычество существует вне исторической картины мира, поэтому рожденная христианством идея прогресса в Окурове отсутствует. «Вечное возвращение» — это пространственно-временной континуум Окурова. Здесь, как на древнерусской иконе, все события свершаются одновременно: поэтому описанное в летописях XII века — реальность русского уездного городка, современного писателя.

Можно утверждать, что подобный подход к изображению русской провинциальной жизни был горьковским аргументом в споре с представителями нового религиозного сознания: Д.Мережковским, Н.Бердяевым, С.Булгаковым и др., кто предлагал обновление России на основе религиозного опыта, религиозной общественности, которая воспринималась социальным идеалом для России начала XX века.

В повестях об Окурове Горький рисует жизнь полухристиан, полуязычников, при этом ни те, ни другие представления не осознаны обывателями, не определяют их духовный мир, а лишь являются привычной частью бытовой жизни: так заведено.

При этом, однако, представляется верным предположение, что для Горького важно было религиозное чувство, которое дает единение с другими людьми и космосом, народный индифферентизм он считал большой проблемой на пути социального прогресса. Горький был рационалистом и сциентистом, для него Бог — идея рационального толка, которая на ранней стадии развития общества играла важную идейно-организующую роль. Но христианство, по мнению писателя, утратило прежнее значение, поэтому оно осталось лишь как привычный антураж скучной окуровской жизни.

Только в детском сознании Матвея проявляется светлая одухотворяющая сторона христианства, и можно предположить, что здесь Горький доверяет герою свое детское восприятие христианских представлений. И как в детстве Алеши Пешкова, Бог приходит не из Библии под надзором строгого деда, а из сказок, легенд бабушки. Сказки Макарьевны открывают маленькому Матвею фольклорно-мифологические христианские образы. Горький показывает, что детски-наивное восприятие христианской традиции со временем перерастает в привычку скоротать время: о вере герои могут размышлять за игрой в карты, читать жития святых, совмещая с хозяйскими подсчетами и бытовыми делами.

«Жития святых выполняют функцию развлекательной эротической литературы. Окуровцы «признают бога, но не веруют в него», между ними и Богом нет никакой связи, как точно подметила Евгения Петровна» [2, с. 34-35].

Иконы в окуровских домах являются частью привычного интерьера. Но описывая лики, изображенные на иконах, писатель не может скрыть свое уважительное и трепетное отношение к ним: «скорбно мигал синий глаз лампы, вокруг образа Богородицы молитвенно качались тени» [3, с. 47], описывает Горький комнату проститутки Глафиры (Лодки), а в кухне у Кожемякиных иконы висели в темном углу, но автор подчеркивает, «где приветно мигал желтый огонек лампы, освещая грустные глаза богородицы, высокий лоб Николы, украшенный затейными морщинами, и внимательный лик Христа» [3, с. 182]. Когда «сумрак в кухне стал гуще, <...> огонь лампы ярче и глаза скорбящей Богородицы яснее видны» [3, с. 184].

Окуровский поэт-самоучка Сима Деушкин выражает присущую, но возможно, не осознаваемую обывателями тоску по сакральному смыслу жизни, по искренней вере:

Мы тоскуем о вере,
О тебе, нашем свете... [3, с. 21].

Беда окуровцев том, что у них атрофировано активное отношение к жизни, отсутствует стремление изменить общую жизнь к лучшему. Религиозный индифферентизм не дает развиваться и укрепиться религиозному чувству единения с людьми и космосом.

Следует признать, что Горький-художник в изображении народного христианства несколько отличается от Горького-мыслителя [4, 5]. То подспудно святое, что осознаётся народом как индивидуальная и общественная потребность, осознаётся таковым и самим Горьким, который суть плоть от плоти своего народа. Так, описывая «Тихий монастырь» в Окурове, Горький пишет о приходах Матвея Кожемякина в монастырь уже в зрелом возрасте. Жизнь обители не лишена радости: «В монастырском саду тихо пели два женские голоса. Один тоненький, как шелковинка, заунывно развивался: “Отверзи-и...” А другой, гуще и сильнее, вторил: “Отверзи-и ми...” Потом певички звонко засмеялись» [3, с. 174-175]. В монастыре течет обычная жизнь: «В монастырском саду копали гряды, был слышен молодой смех и говор огородниц» [3, с. 269]. При этом «весь город знал, что в монастыре балуют» [3, с. 308], и в повести описаны нелюбимые эпизоды греховности насельников и трудников монастыря.

Воргородский монастырь имеет иной статус («крепко врос в землю богатый монастырь во имя Илии пророка») в том числе благодаря старцу Иоанну, проповеди которого привлекают в монастырь большое число верующих. Повседневную жизнь этого монастыря автор рисует сниженно, подчеркивая бездуховное, обыденное состояние насельников монастыря: «Отошёл трёхдневный праздник, собравший сюда тысячи народа; тугая послепраздничная скука обняла монастырь. По двору, в смолистом зное, точно мухи по стеклу, ползают усталые, сердитые монахи <...>. Большое гостеприимное хозяйство восстанавливает нарушенный порядок; монахи кружатся в ленивой, усталой суете» [3, с. 485-486].

Монастырь для Горького — всего лишь большое зажиточное хозяйство. Десакрализация пространства Воргородского монастыря, выполненная в духе литературы Нового времени (и в горьковской манере), в целом находится в том же модусе, в каком эта десакрализация (отражающая объективное двуединство человеческой природы) происходила в древнерусской литературе: монастырь не может быть абсолютным спасением от греха, равно как не может быть раем на земле, не может он быть и «добрым сном», в котором спасается человек. Раем должна стать вся земля, дарованная человеку Богом как жителю Его Царства, и главная локация рая — это душа человека, в которой и должно находиться Царствие Небесное. С этой мыслью умирает главный герой повести, чья кончина так похожа на успение святых в русской агиографической традиции.

К агиографической традиции отсылает и образ Якова Тиунова. Увечный и смирившийся со своим увечьем, с таинственным прошлым (в 15 лет, подобно герою жития, Яков уходит из родительского дома, но не в монастырь, а «в мир»), познавать его, людей и жизнь), Яков возвращается в Окуров совершенно другим человеком, с двумя книгами в котомке. Живет отшельником и аскетом, за что наказан мужиками, избившими его за «колдовство» и отказ говорить о своем прошлом. Затем Яков вновь исчезает, но появляется через много лет 45-летним и опять другим человеком.

Он не стесняется своего увечья, не прячется от людей, а напротив, идет туда, где их больше. Ходит по праздникам к ранней обедне — и становится местным проповедником и утешителем, находя ответ для каждого и ободряющее слово. Побитой Фимке Пушкаревой Яков говорит словно парадоксальное в этот момент, но самое важное для ее человеческого сознания: «Уважь Божье-то подобие в себе!». И продолжает автор: «Слова эти запомнились женщинам слободы, они создали кривому славу человека справедливого» [3, с. 16].

Именно с Яковом, как носителем какого-то важного «книжного» знания, мужики Окурова обсуждают волнующие их мировоззренческие вопросы. Яков, несомненно, не является духовником и исповедником (в этом случае он не снискал бы такого доверительного к нему отношения со стороны жителей Окурова), но подспудно (и, возможно, неожиданно для самого Горького-мыслителя) несет ту идею христианского отношения к миру, которое условно может именоваться «народным христианством», в котором нераздельно переплелись вековые книжные традиции церковнославянской литературы и народного (изустного) Предания, в трансформированном виде передававшего моральные основы человеческого общежития, сопряженный с практическим здравым смыслом, суевериями, верованиями, порожденные, в том числе, необразованностью и нищетой — в том числе духовной.

Горький-художник оказывается шире Горького-философа: сакральное проступает даже в окурских нравах (в обращении к житиям святых, окружавших окурцев с детства, в редких проблесках святости в самой жизни, действующей зачастую помимо воли человека, в природе, в красоте, созданной человеком). Сложный мир хрестоматийных произведений Максима Горького еще нуждается в новых прочтениях. И прежде всего с точки зрения отражения в них народного христианства.

1. Овсяннико-Куликовский Д. Психология русской интеллигенции // Интеллигенция в России. СПб., 1910. 259 с.
2. Семенова А.Л. «Окуровская Русь» Максима Горького (К проблеме русского национального характера): Учебное пособие. Великий Новгород, 2003. 96 с.
3. Горький М. Городок Окуров. Жизнь Матвея Кожемякина // М.Горький. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 10. М., 1971. 758 с.
4. Семенова А.Л., Терешкина Д.Б. Красноречие и «красноглаголанье» в «Жизни Матвея Кожемякина» М.Горького // А.М.Горький: Личность и творчество писателя в оценках отечественных и зарубежных исследователей. Сб. ст. / Сост. О.В.Богданова. СПб.: РХГА, 2019. С. 195-203.
5. Semenova A., Tereshkina D. The Monastery In "The Life Of Matvei Kozhemyakin" By M.Gorky // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. 108. MSC 2020. Conference: International Scientific and Practical Conference «MAN. SOCIETY. COMMUNICATION» (23—24 April, 2020). P. 501-507. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.60

References

1. Ovsyaniko-Kulikovskiy D. Psikhologiya russkoy intelligentsii [Psychology of the Russian intelligentsia]. Intelligentsiya v Rossii. St. Petersburg, 1910. 259 p.
2. Semenova A.L. "Okurovskaya Rus'" Maksima Gor'kogo (K probleme russkogo natsional'nogo kharaktera): Uchebnoe posobie ["Okurovskaya Rus'" by Maxim Gorky (On the problem of Russian national character): Textbook]. Velikiy Novgorod, 2003. 96 p.
3. Gor'kiy M. Gorodok Okurov. Zhizn' Matveya Kozhemyakina [The Town of Okurov. The Life of Matvei Kozhemyakin]. In: M.Gor'kiy. Complete works in 25 vols, vol. 10. Moscow, 1971. 758 p.
4. Semenova A.L., Tereshkina D.B. Krasnorechie i "krasnoglagolanie" v "Zhizni Matveya Kozhemyakina" M.Gor'kogo [Eloquence and "red-speaking" in the "The Life of Matvei Kozhemyakin" by M.Gorky]. In: Bogdanova O.V., comp. Coll. of papers "A.M.Gor'kiy: Lichnost' i tvorchestvo pisatelya v otsenkakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovateley". St. Petersburg, 2019, pp. 195-203.

5. Semenova A., Tereshkina D. The Monastery In "The Life Of Matvei Kozhemyakin" By M.Gorky. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, vol. 108. MSC 2020. Conference: International Scientific and Practical Conference «MAN. SOCIETY. COMMUNICATION» (23—24 April, 2020), pp. 501-507. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.60

Semenova A.L., Tereshkina D.B. Traditions of folk Christianity in the "Okurov" stories of M.Gorky. The purpose of the article is to analyze the features of M.Gorky's depiction of the religious customs of the people and their individual representatives in the cycle of "Okurov" stories. Russian Orthodox Christianity, which played a crucial role in the early formation of Russian statehood, gradually turned into a rite that lost its sacred significance, as well as into a way of patriarchal organization of public life in the Russian province, where ignorance, domestic tyranny, moral indifference of each of the inhabitants of the Russian provincial hinterland reigned. However, according to Gorky, as it seems to the authors of the article, deep folk Christianity, which has preserved the ideas of mercy, love, unity, the living presence of God, lives in separate phenomena of folk life and cannot be exterminated. Such are folk poetry, icon painting, church singing, the trials of each person in their individual being, bringing them closer to the foundations of Christianity.

Keywords: M.Gorky, "Okurov" stories, folk Christianity, God-seeking, God-building.

Сведения об авторах. Александра Леонидовна Семенова — доктор филол. наук, профессор кафедры журналистики; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-8963-3888; alsemenova@mail.ru; Дарья Борисовна Терешкина — доктор филол. наук; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, профессор кафедры филологии; Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Новгородский филиал), профессор кафедры кадровой политики и управления персоналом; ORCID: 0000-0002-2079-1116; terdb@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.12.2022. Принята к публикации 10.01.2023.

Ссылка на эту статью: Семенова А.Л., Терешкина Д.Б. Традиции народного христианства в «окуровских» повестях М.Горького // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 1(46). С. 49-52. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(46).49-52

For citation: Semenova A.L., Tereshkina D.B. Traditions of folk Christianity in the "Okurov" stories of M.Gorky. Memoirs of NovSU, 2023, no. 1(46), pp. 49-52. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(46).49-52